

ПЕТРУШКО Э. П.

ЖОБРИНКА

16+

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Эдуард Петрушко

Ховринка 3

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Петрушко Э. П.

Ховринка 3 / Э. П. Петрушко — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Заключительная часть трилогия Ховринка, где главный герой сталкивается с новыми злобными и мрачными существами. Ужасные события, происходящие в заброшенной больнице, заставят не раз содрогнуться при чтении "Ховринка 3"

Содержание

Вступление	5
Глава I	7
Глава II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Эдуард Петрушко

Ховринка 3

Вступление

Я полностью разбит, нет ни страха, ни боли, ни переживаний. Меня нет, я растворился в пустоте и не хочу возвращаться. Я вижу то, что не должен видеть живой человек, из чего делаю предположение, — я погружаюсь в запредельные миры или умираю. Странно, но это не вызывает у меня паники, переживаний или стресса, наоборот — я чувствую, как улыбаюсь где-то глубоко внутри. Приступы панических атак являются моей составной частью жизни. Они стали обычным явлением, которое не покидает меня. Иногда я просто ничего не вижу кроме тумана, белого густого тумана, он сжимает меня в свои холодные тиски и выдавливает из меня душу. Ужас понемногу начинает вгрызаться в моё сердце, тьма обнимает меня своими крыльями, закрывая от солнца, и я попадаю в ловушку иногда на час, иногда на день.

Я часами могу сидеть на диване ничего не делать, рассматривая репродукции картин Иеронима Босха висящие у меня на стене. Мне нравится его автопортрет и «Загробное путешествие». Вспоминаю стихотворение забытого автора:

«Я замечал в сочельник и на пасху,
Как у картин Иеронима Босха
Толпились люди, подходили близко
И в страхе разбегались кто куда,
Сбегались вновь, искали с ближним сходство,
Кричали: «Прочь! Бесстыдство! Святотатство!»
Во избежание Страшного суда.»

... Павел Петрунин, почти не спал ночь, ворочался и кряхтел как старик, под утро провалился в серый морок. Вставая со старенького дивана, хрустнув почти всеми костями одновременно, подошел к окну своей однокомнатной квартиры.

Осень в том году выдалась на редкость холодной и дождливой. Москва пребывала в плену серости и влажности. По улицам двигались призрачные тени людей, которые вечно куда-то спешили. Казалось, что сырой воздух пропитывал дома и деревья. Даже тусклое дневное солнце было бессильно в борьбе с неминуемым приходом зимы. Оставались лишь смутные воспоминания о летнем тепле и свете, которые были столь редкими в городе. Всюду царило уныние.

Павел обвел глазами однообразные ряды высоток, которые торчали из земли, словно гигантские бело-синие кукурузные початки, и пошел варить себе кофе. Позже, сидя с чашкой душистого напитка, он механически читал новости из всемирной паутины. «В прошлом прошлый году во Франции застрелились почти сто полицейских», пестрил заголовок статьи. Похоже, в наши дни самоубийство становится привычным способом завершить карьеру.

У нас статистику суицидов в правоохранительных органах пополнил оперативник уголовного розыска – Виктор Степанович, отец Жени. С Женей они первый раз пошли на Ховринку, когда там при странных обстоятельствах погиб Артем. Отец Жени помогал им выбраться с местного отделения, куда их доставили после смерти Артема. Позже долго отчитывал за их «поход» в заброшенку, о которой много знал по роду своей службы.

Месяц назад Виктор Степанович буднично застрелился у себя в кабинете с табельного оружия, хотя поводов для стрельбы себе в голову, вроде не было. Павел не связывал его самоубийство напрямую с Ховринкой, но не оставлял эту версию.

Кофе в маленькой чашке остыл – Павел пил его крохотными глотками, абсолютно не чувствуя вкуса. Он сам не знает, зачем это делает. Скорее всего, по инерции – по утрам положено пить кофе, вот он его и пьет. Поправив несвежие волосы, посмотрел в окно. Солнце, разогнав дождь, поднималось большой сковородкой над мегаполисом, равнодушно разбрасывая слабое осеннее тепло по городу.

Петрунин включил радио, чтобы хоть какие-то голоса наполнили пустоту квартиры. Ненавистно громко запела какая-то вновь испеченная певичка о «холодном небе и зиме», он тут же выключил приемник. Открыв дверцу холодильника, заглянул внутрь – не потому что проголодался, а так, автоматически. В холодильнике – давно открытое молоко, пожелтевший кусок сливочного масла в раскученной, жирно блестящей фольге, множество консервных банок, засохший сыр, с парой сморщенных сосисок. В последнее время он практически ничего не ел.

Павел еще раз подошел к окну и посмотрел на детскую игровую площадку. Пухленькая девочка пинала маленький футбольный мяч отцу, который он осторожно отбивал в сторону своего дитя. Малышка каждый раз радовалась, когда мяч летел к ней обратно. Она скакала на месте и прихлопывала в ладоши, восхищаясь своим отцу. Тот в свою очередь поднимал вверх руки как футболист при забитом голе.

Петрунин подумал, что давно ни с кем не встречался и даже не разговаривал по телефону. У Данилы, его друга, с кем они попали во вторую передрыгу в Ховринке, умирал отец. Данила искренне любил отца за его оптимизм и энергию. Он часто сидел в палате у отца, который из здорового мужчины превратился в мумию с усохшими жилистыми руками с желтыми ногтями и венами, изгрызенными медицинской иглой.

Павел пару раз бывал с Данилой у его отца, но эти посещения носили вымученный и неловкий характер. Капельницы у изголовья, едва различимый запах мочи и лекарств, напряженные врачи и медсестры – это не придавало оптимизма и радости в жизни.

Павел сел за стол и начал писать. Он вел записи о самом страшном месте в Москве – Ховринке.

Глава I

Паша стоял на десятом этаже Ховринки, среди обломков воздуховода. Алюминий погнулся, а местами даже порвался, его куски торчали, будто зубы гигантского чудовища. Его взгляд был направлен на шумный суетливый город, который казалось, не замечал проблем больницы. Вокруг стояла легкая аммиачная вонь.

Посещение Ховринки стало настолько обычным делом, что со стороны могло показаться, что он ходит на работу или к любимому родственнику. После диких и чудовищных событий произошедших с Петруниным и его друзьями во время обследования Ховринки, ни один нормальный человек даже под страхом смерти, ни за какое вознаграждение, туда бы никогда повторно не пошел. Но Петрунин шел и шел, днем – ночью, в плохую и хорошую погоду, в любом настроении и состоянии. Он искал последнюю часть пазла, которая бы расставила в Ховринке все по своим местам. Но пока он не мог ее найти и его походы на больничные развалины приносили разочарования и пустоту.

Паша посмотрел вниз, возле его ног лежала фигура получеловека полузверя, с кривыми лапами и огромной пастью. Игрушка, слепленная нарочито грубо, внушала омерзительный страх. Остатки дураков – сатанистов, пнул ее и пошел дальше.

Шел медленно, опираясь рукой о стену, переступая через горы битого кирпича и бетона. На полу увидел пыльную красную тряпку и сдутый резиновый мяч. Через несколько минут Петрунин попал в знаменитую яичную палату – бывшее место бомжей. На обед у них каждый день, видимо, была яичница, а убирать за собой никому в голову не приходило, поэтому пол в этой палате покрыт густым слоем скорлупы от стенки до стенки.

Бессмысленно стоя в яичной шелухе, Паша, как будто бы впал в ступор. Резкий неоткуда взявшийся крик, напомнил визжание покрышек при экстренном торможении, Петрунин вздрогнул. Возникло чувство, будто он на поле битвы, за минуту до начала великого сражения.

Паша быстро прикинул себе пути отхода. За годы изучения Ховринки он стал настоящим сталкером этого места. Он давно готовил себе пути отступления, известные только ему через переходы, шахты и смычки. Петрунин мог быстро уничтожить сделанные им веревочные спуски, лестницы и крепления, чтобы скрыться от будущего и неведомого врага.

Павел постоянно готовился к чему-то, но сам не понимал к чему. Он был четко уверен, что есть последняя третья тайна Ховринки, до которой он не мог никак прийти и понять.

Шум и крик прекратился также неожиданно, как начался. Здание казалось, щерилось и вглядывалось в Петрунина пустыми глазами окон, ветер стонал, будто посмеивался над его страхами.

Паша пошел спать. Да это выглядело именно так – человек в многоэтажном заброшенном здании полном убийств, сектантства, нелюдей и прочей нечисти, тихо шел спать. Это была тщательно замаскированная закрывающаяся изнутри комнатка 4 на 3 метра, которую практически было невозможно найти. Находилась она на пятом этаже и при строительстве предполагалось, что это будет душ, из стен торчали трубы, а на полу находился слив.

Петрунин в течение месяца закладывал кирпичами вход, впервые в жизни мешая цемент с песком. Несмотря на не опытность, кирпич лег ровно и крепко. Позже он покрасил кладку под цвет стены, оставил лишь внизу небольшое входное отверстие. Отверстие закрывалось деревянной дверцей с задвижкой. «Дверь» была так себе, и при желании взрослый мужчина мог выбить ее ногой. В дальнейшем Паша планировал усилить ее железными листами и укрепить внутреннюю задвижку.

Паша быстро разделся, лег на несвежий матрас, однако на удивление быстро заснул. Ему снились кошмары – он видел вдалеке нескладную человеческую фигуру в белом, щедро забрызганном кровью, халате. Она бросилась к Паше, протягивая неестественно длинные худые руки

с хищно растопыренными пальцами к его груди, как будто собираясь вырвать сердце. Вместо головы над воротником халата торчал бугристый ком размером со средний арбуз, без носа, глаз и рта...

Глава II

Павел искал. Искал людей, которые ему могли поведать то, что он не знает о Ховринке. Хотя за пять лет посвященных местной «Амбрелле», Петрунин владел таким количеством информации, что мог заткнуть любого «знатока». Но он чувствовал, что есть тайна, о которой знают только избранные. Вот он их и искал. Избранных.

Они вышли на него неожиданно, как снег в июле. Позвонил неизвестный номер, представился Венедиктом. Венедикт по-деловому, словно они были знакомы несколько лет, перешел сразу к делу и предложил встретиться по «больничке». Паша не стал откладывать, и через час он уже сидел в кавказском кафе и ждал нового знакомого.

В кафе вошли ярко одетые мужчина и женщина, которые громко разговаривали и смеялись. Петрунину не нравилось, как они снисходительно оглядывали интерьер маленького ресторанчика, будто ожидали обнаружить в подобном заведении накрахмаленных официантов и банкетные столы; не нравилось, как они самодовольно и пренебрежительно усмехались, читая меню. Паша вышел и сел за столик на улице, тут же подошел молодой человек и представился Венедиктом. Лицо у Венедикта как будто было обнажено, выпирали кости скул, глаза тусклые, губы сухо сжаты.

Павел на правах заинтересованного лица угощал Венедикта, который, не стесняясь, заказал себе полноценный обед.

На улице было на удивление тепло, юноши молчали и смотрели за наглыми голубями и воробьями, бегающими между столами. Один особенно бесцеремонный одноглазый голубь попытался сесть за стол, хотя еды там еще не было. Павел равнодушно наблюдал за происходящим, Венедикт тихо ругался с голубем, потом задал вопрос:

– Что знаешь про Ховринку? Павлу захотелось рассмеяться во весь голос, но он сдержал эмоции и просто ответил:

– Кое-что знаю, – в голове у него круговоротом пролетели ряд смертей случившихся при нем в этом проклятом месте. Принесли обед, Петрунину есть не хотелось, он вяло ковырялся в тарелке, когда Венедикт закидывал в себя все принесенное большими порциями. Причем порядок поедания блюд не соблюдался, суп харчо заедался картошкой пюре с люля-кебаб. Наконец-то насытившись, Венедикт отставил от себя тарелки и тяжело выдохнул. Паша научился терпеть и ждать. Ему показалось, что время для разговора настало.

– Строительство больнички было остановлено приблизительно в 1985-м по трём основным причинам, – начал Венедикт: – грунтовые воды под фундаментом, нехватка бабла и просчеты в конструкции, – вещал новый знакомый. После каждой названной причины, он важно загибал пальцы. – Возобновить стройку после восьмидесят пятого года, пытались, раз пять – семь. В результате этот хлам, медленно начал уходить в грунтовые воды. Никто брать на баланс эту парашу не хотел.

Венедикт замолчал и посмотрел на Павла и его реакцию. Паша молчал и смотрел в сторону. Вся эта история ему известна, много раз во многих вариантах с разных источников. Безглазый голубь все-таки пробрался на стол и нагло клевал хлеб.

– Хотя больничка была готова, даже стекла в рамах стояли, – продолжил Венедикт, закурив дешевую сигарету. Сначала объект охранялся военными, но потом они снялись, и началось – воровство, жертвоприношения, Немостор, бомжи и прочая дрянь. Потом маргиналы радостно вынесли не только стекла, но и рамы, и трубы с целью их обмена на спиртосодержащие жидкости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.